

**БРАКИ с ИНОСТРАНЦАМИ во ВЬЕТНАМЕ:
ИСТОРИЯ и СОВРЕМЕННОСТЬ**

Часть I. Традиционный Вьетнам*

Семейная проблематика одна из наиболее популярных в культурологических работах по Вьетнаму. Это связано с особым местом семьи во вьетнамском обществе, в котором она выполняет не только основополагающую социальную функцию, но в связи с доминирующим в религиозном сознании вьетнамцев культом предков приобретает и поистине сакральное значение¹. Однако и в этой теме существуют сюжеты, так и не ставшие самостоятельным предметом научного исследования и которым соответственно не было уделено значительного внимания. В первую очередь это касается вопросов брака и в целом личных отношений вьетнамцев с иностранцами.

Во многом это обусловлено объективным фактором – количество таких браков во вьетнамском обществе, если брать историю независимого Вьетнама с X века, было ничтожно мало к общему количеству населения. Более того, основная масса браков традиционно заключалась между жителями одной и той же общины или деревни. Автономность и самообеспечиваемость вьетнамской деревни приводили к тому, что степень мобильности населения была незначительной: у крестьянина зачастую не было потребности переселяться в другую местность. Заливное рисоводство, основа сельского хозяйства страны, предполагает любовь к корням, к своим землям и обуславливает нежелание их покидать. В силу этого рамки выбора спутника жизни чаще всего ограничивались пределами деревенской бамбуковой изгороди. Все это нашло отражение в популярной

* Публикация выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №15-31-01229 – «Женщины во Вьетнаме: роль и место в истории и в современной общественно-политической жизни»).

вьетнамской пословице «Мы купаемся в своем пруду – какая бы вода в нем ни была, прозрачная или мутная, свой пруд все равно лучше» (вьет. – *Ta vè ta tá m ao ta, dù trong dù đục ao vãn hơn*). Чаще всего она употребляется именно в вопросе подбора жениха/невесты. Выбор местного жителя в качестве спутника жизни диктовался и нежеланием родителей выдавать дочь замуж за «чужака». Точка зрения «пока родители живы, дети не вправе жить вдали от них» была крайне популярна в стране. Кроме того, чаще всего после замужества дочери не могли возвращаться в родной дом, постоянно живя в семье мужа. Отчасти поэтому дочерей во Вьетнаме называли «чужим ребенком» (вьет. – *con gái là con người ta*).

Родительское нежелание отпускать дочь в чужую (тем более отдаленную) деревню подтверждалось и самой деревней. Традиционно перед свадьбой жених в обязательном порядке должен был уплатить своеобразный «выкуп за невесту» (вьет. – *nôp cheo*), который шел не ее родителям (подношения родителям делались на других этапах предсвадебной подготовки), а именно самой деревне. После уплаты жених получал квитанцию, которую можно рассматривать своеобразным свидетельством о браке в феодальную эпоху. Этот выкуп оговаривался в «деревенских договорах» (вьет. – *hương ước*) – важнейшей основе права внутри деревни. Согласно этим договорам, размер выплаты для жениха из чужой деревни превышал (порой вдвое) сумму, которую уплачивал местный житель.

Необходимо сделать оговорку касательно определенной разницы в содержании используемого нами понятия «иностранец» в зависимости от того или иного исторического периода. Применительно к истории до XX века под «браком с иностранным фактором» мы подразумеваем по сути межэтнические браки, когда в качестве «иностранцев» в основном выступают отличные от вьетнамцев этнические группы (в основном на территории Вьетнама и проживающие), в то время как в колониальный и современный период речь идет о лицах другого гражданства, о гражданах других государств.

Современный Вьетнам – многонациональная страна, в которой только официально насчитываются 54 народности. Собственно само формирование самой крупной из них – вьетской

(вьетнамской), – в основном пришедшееся на период 1-го тысячелетия н.э. определяется межэтническими браками, что подробнее будет рассмотрено ниже. До рубежа X–XI вв. ареал расселения вьетнамцев был значительно меньше современного, ограничиваясь равнинными и отчасти предгорными территориями Северного и северных районов Центрального Вьетнама. Одним из главных содержаний вьетнамской истории стала экспансия вьетов на Юг («движение на Юг»; вьет. – Nam Tiến) – вначале на земли Центрального Вьетнама, населенного преимущественно чамами, а за тем Южного Вьетнама, где было много кхмеров и малайцев. Находясь на пересечении торговых путей, Вьетнам привлекал к себе внимание и многочисленных иностранных торговцев. Важнейшим этническим фактором в развитии Вьетнама с XVII в. стали крупные группы китайских эмигрантов, бежавших от воцарившейся в их стране маньчжурской династии Цин. Наступивший в середине XIX в. колониальный период априори подразумевает наличие другой этнической общности, пусть и малочисленной, но политически и экономически доминирующей. Во время Вьетнамской войны на некоторое время второй по численности народностью оказались ... американцы, военный контингент которых в 1969 г. составлял более полумиллиона человек. С последовавшей в ходе «политики обновления» интеграцией СРВ в международное сообщество приток иностранцев (туристов, студентов, специалистов и др.) во Вьетнам значительно вырос.

Все эти факторы не могут не породить интерес к вопросу о межэтнических браках в истории развития вьетнамского общества. Какое место подобные браки занимали в формировании вьетнамского этноса, отразилась ли показанная выше этническая пестрота и связанная с покорением территорий соседних народов территориальная экспансия на количестве браков с представителями других народов в период уже сформировавшейся вьетнамской народности, какие формы эти браки принимали, какими социальными явлениями сопровождались и каково отношение к таким бракам во вьетнамском обществе?

В силу большого объема предполагаемой публикации и для удобства изложения материала данное исследование было разделено на три части. В первой из них речь пойдет о средне-

вековом или «традиционном» Вьетнаме, т.е. о том историческом периоде, когда происходило формирование самостоятельной вьетнамской государственности и расширение территорий Вьетнама вплоть до нынешних границ и когда европейское влияние в стране практически не ощущалось. Вторая часть, затрагивающая колониальный период (середина XIX – середина XX вв.) и время войн вьетнамского народа за независимость и воссоединение страны (1946–1975), посвящена изучению форм личных взаимоотношений вьетнамцев с иностранцами, в первую очередь с европейцами, и тем социальным группам, которые эти взаимоотношения породили. В заключительной части демонстрируются подобные явления в современном Вьетнаме, выделяются их новые формы в XXI веке, анализируется правовая база «браков с иностранным фактором» и на конкретных примерах показывается, как именно происходят подобные браки.

Часть I. Традиционный Вьетнам

Говорить о браках с иностранцами или межэтнических браках во вьетнамском обществе в период до конца 1-го тысячелетия нашей эры не представляется корректным в силу того факта, что в большую часть этого периода как такового вьетнамского этноса еще не существовало. Его формирование шло именно в процессе разнообразных контактов, в том числе брачных, различных народностей Северного Вьетнама, формировавших местное население еще до начала китайских вторжений, и китайских переселенцев (военные и административные чиновники, крестьяне, ссыльные) с Севера при одновременном сильнейшем культурном влиянии Китая. Касательно этнической дефиниции, языковой принадлежности и особенностей социокультурной жизни местного населения дельты Красной реки нам известно очень мало².

Если вьетнамская историография в развитие выдвинутой в средние века теории об исконной принадлежности территории Северного Вьетнама вьетнамцам, перенесла термин «вьет» (ставший самоназванием жителей страны только после окончания «северной зависимости» от Китая) на цзяосцев (т.е. жителей Цзяо как назывался Северный Вьетнам в составе китайских

империй), то современные российские и западные ученые не склонны именовать все население Северного Вьетнама термином «вьетт», т.к. такое наименование «не позволяет разграничить общности и непротиворечиво описать их языковые и этнокультурные характеристики»³.

Взамен применительно к последним столетиям до нашей эры Н. Григорьева предлагает обозначать группы населения в соответствии с терминами лингвистической классификации – прототайско-кадайская общность и протовьет-мыонгская общность⁴; К. Леонов в отношении периода «северной зависимости» использует термин «метаэтническая общность»⁵. Таким образом корректное использование терминов «вьетнамское общество» и вообще «вьетнамец» возможно только примерно с X в. н.э., в то время как во вьетнамской научной литературе они совершенно спокойно переносятся на все местное население и предшествующих столетий, чья история тем самым органично вплетается в ткань всей вьетнамской истории.

Тем не менее для лучшего представления о вьетнамском восприятии собственной истории имеет смысл хотя бы в общем плане проследить за теми событиями, связанными с межэтническими браками, которые были зафиксированы в исторических источниках применительно к территории Северного Вьетнама в период древности и раннего средневековья. Опять же учитывая, что соотнесение местного населения с вьетами – это идеологическая установка верховных кругов Вьетнама (выработанная в середине 2-го тысячелетия и поддерживаемая и поныне), а не реальная картина тогдашней жизни.

Мотив брака с иностранцем появляется уже в одном из первых широко известных для всех вьетнамцев и вьетнамистов мифов, напрямую связанным с конкретным историческим событием III в. до н.э., когда вьетское государство Аулак было завоевано китайским военачальником Чиеу Да. В мифе повествуется о принцессе Ми Тяу (дочери правителя Аулака Ан Зыонг Выонга) и ее китайском женихе Чонг Тхюи (сыне китайского полководца Чиеу Да). Напомним, что благодаря этой свадьбе Чонг Тхюи, поселившийся во дворце невесты в районе современного Ханоя, сумел тайком сломать «волшебное оружие», на которое делал основную ставку правитель Аулака – арбалет.

Вслед за этим под предлогом обязательства навестить родителей Чонг Тхюи отправился к отцу (в район совр. южно-китайского города Гуанчжоу), доложив ему об успешно выполненной задаче. После чего Чиеу Да не составило труда разгромить войско жителей Северного Вьетнама и включить его территорию в состав созданного двуединого государства Намвьет–Аулак⁶.

Сам правитель Аулака Ан Зыонг Вьонг погиб, но перед смертью успел убить собственную дочь, узнав, что это именно она выдала секрет иноземцу. Тот же, хотя и предал семью своей супруги, был безутешен, когда узнал о ее гибели: «Увидев Ми Тяу мертвой, он с рыданиями обнял ее мертвое тело и отвез похоронить в городе Лоатхань. Ее тело окаменело и превратилось в яшму. А Чонг Тхюи, тоскуя по Ми Тяу, все ходил к тому месту, где она прихорашивалась и умывалась. Не в силах одолеть горестные думы, он в конце концов умер, бросившись на дно колодца»⁷. Таким образом, первый брак с иностранцем окончился полной катастрофой – как личного плана, так и для всей страны. Зафиксированный в государственной летописи (бывшей в т.ч. своего рода учебником для образованной элиты) в качестве исторического факта печальный опыт подобного союза безусловно отложился в сознании вьетнамцев, став одним из факторов неприятия подобных браков. Вплоть до наших дней в Колоа, популярном туристическом месте, стоит поминальный храм Ми Тяу и тот самый колодец, в котором утопился ее супруг.

Следующий зафиксированный в хрониках «брак с иностранных фактором» также привел к катастрофе государственного масштаба – на сей раз для самой династии Чиеу и вместе с ней для земель Северного Вьетнама. Наследовавший после смерти Чиеу Да в 137 г. до н.э. его внук и сын Чонг Тхюи (очевидно уже лишь наполовину китаец) по имени Ван Вьонг, в отношениях с китайской династией Хань проводил в целом независимую политику и в целом по выражению авторов хроники Тоан Тхы «придерживался справедливости-*нгуа* и тем самым вызвал сочувствие у северного соседа ... и его мы назовем государем, помышлявшим о благополучии царства»⁸. был, тем не менее, вынужден отправить своего сына-наследника Чиеу Ань

Тэ «заложником» к китайскому двору. Там тот женился на этнической ханьке (китайнке) урожденной Цзю, которую взял затем с собой на родину. Вступив после смерти отца на престол под именем Минь Выонга, он просил династию Хань утвердить свою супругу в качестве *хау* (т.е. жены правителя), а родившегося у них сына Чиеу Хынга в качестве наследника. Этот мальчик впоследствии действительно стал правителем Намвьета (под именем Ай Выонг), но фактически делами в государстве заправляла его мать-китайнка, получившая титул *тхайхау* (вьет. – *thái hậu*; «княгиня-мать»).

По свидетельству хроники Тоан Тхы, «княгиня-мать открыто предалась разврату», вступив в интимные отношения со своим бывшим любовником, так же, как и она, урожденным империи Хань. Она подговорила своего сына отправить ко двору Хань прошения о включении своих земель в состав ханьской империи на правах внутренней территории. Этот документ стал поводом для вторжения китайской армии, закончившееся в 111 г. до н.э. разгромом Намвьет-Аулака, что ознаменовало начало «северной зависимости». Деятельность же урожденной Цзю во вьетнамской хронике была охарактеризована следующим образом: «алтари рода Чиеу опрокинула тхайхау урожденная Цзю. Когда были вырваны корни, повалилась и вершина»⁹. Что касается ее мужа Минь Выонга, то ему в главную вину вьетнамскими историографами ставится именно «невнимание к началам семейной жизни». Это «невнимание», вероятно, выражалось как в том, что он женился не на девице (раз она имела связь еще до замужества), так, вероятно, и в самом факте женитьбе на китайнке.

В результате военного поражения территории Северного Вьетнама на долгую тысячу лет были включены в состав китайских империй. Тогда произошел отмеченный выше процесс этногенеза, «в рамках которого началось и завершилось накопление именно тех этногенетических признаков, которые, в конечном итоге, определили и в прямом и в переносном смысле лицо нового народа – вьетнамцев»¹⁰. Заметим, что незадолго до освобождения от «северной зависимости» в IX вв. важным военно-политическим игроком на этих территориях выступал не только Китай, но и тайское государство Наньчжао. Зачастую

именно его поддерживали местные жители в противостоянии с китайскими губернаторами, что позволило К. Леонову предположить «определенную этническую близость части цзяосцев тайскому населению Наньчжао»¹¹. Однако тайское вмешательство в целом было окончено с разгромом их китайским губернатором Зяоти Гао Пянем в 860-х гг.

В период становления и развития независимого вьетнамского государства в X–XIV вв. китайский этнический фактор присутствовал в значительно меньшей степени – условия для свободного переселения тех или иных групп населения из Китая в отдельное от него государство уже не было. Межэтнические браки в тот период были большой редкостью, что было обусловлено достаточно гомогенным этническим составом населения на равнинных территориях Северного Вьетнама, откуда вьетнамцы постепенно вытеснили прочие народности. Горцы жили обособленно, других этнических групп на равнинах было очень мало.

Информация о социальной жизни того времени может быть почерпнута только из государственных хроник, где в числе прочего помещаются различные государственные указы, затрагивающие вопросы семьи¹². При этом наиболее популярным сообщением по семейно-брачной проблематике стала фиксация именно межэтнических браков. Как правило, они представляли собой политические союзы, скрепляемые выдачей замуж принцессы из императорского рода за одного из горных князей. Такие браки совершались, чтобы укрепить отношения с вождем той территории, в лояльности которой император имел основания сомневаться или чья лояльность ему была необходима. В 1029 г. принцессу Бинь Зыонг отдали замуж за губернатора Лангтяу (южная часть совр. пров. Лангшон) Тхан Тхиейу Тхая, в 1036 г. были выданы замуж сразу две принцессы – принцессу Кимтхань выдали замуж за губернатора Фонгтяу Ле Тонг Тхуана, принцессу Чыонг Ний выдали замуж за губернатора *тяу* (вьет. – *châu*; «горный уезд») Тхыонгнгоай Ха Тхиен Лама. В 1082 г. принцессу Кам Тхань выдали замуж за губернатора *тяу* Вилонг Ха Зи Кхань. Данная практика продолжилась и в XII в. – так, за одного и того же вождя области Фулыонг по имени

Зыонг Ты Минь были отданы две принцессы – в 1127 и в 1142 гг. В 1167 г. принцесса Тхиенкык была выдана замуж за губернатора Лангтяу, а в 1180 г. «поженили управителя *тяу* Вилонг по имени Ха Конг Фу на принцессе Хоа Зыонг».

В результате для категории принцесс самым популярным событием на страницах летописей стала именно выдача замуж за одного из горных вождей. При этом не всегда эти принцессы были настоящими дочерьми вьетнамских монархов. Женитьба на варварах, каковыми вьетнамцы считали горцев, считалась постыдным делом. Поэтому в некоторых случаях за «принцессу» выдавали отдаленную родственницу династии или же вообще девицу из народа.

Другая сфера межэтнических отношений – это пополнение гарема вьетнамского императора за счет захваченных во время военных походов в соседние страны женщин. Как отмечает известный вьетнамский историк Та Ти Дай Чыонг, «женщины разгромленных соседей рассматривались как трофеи»¹³. Первым таким трофеем стали «сотни дворцовых женщин», захваченных во время похода Ле Хоана на Чампу в 982 г. Они же по его мнению рассматривались и как «владелицы семейного сундука» (вьет. – *tau hòm chĩa khĩa*; выражение, обычно употребляемое во Вьетнаме для обозначения важной роли женщины в семейных финансовых вопросах), поскольку сохраняли связи со своими родными территориями. Другой крупный поход, увенчавшийся массовым притоком женщин, произошел в 1044 г., когда после в войне с Чампой «император Ли Тхай Тонг привел армию в город Фаттхэ и схватил жен и наложниц правителя Шадау, а также дворцовых женщин, искусных в пении индийских песен и в индийских танцах». Спустя 2 года после этого похода в 1046 г. вьетнамские власти «заложили отдельный дворец для женщин из Чамы»¹⁴. Иногда дочерей соседние правители присылали в качестве своего рода подарка – так, в 1152 г. «властитель Чампы Тебилабут прислал свою дочь. Приняли ее».

Также своего рода трофеем стало событие 1009 г. – «Ле Минь Сыонг вернулся от Сунов. Добыл текст великой Трипитаки. Также сманил сунскую женщину, урожденную Сяо, и

представил ее императору. Принята в покои в качестве наложницы»¹⁵.

В качестве военного трофея иногда приходилось выступать и самим вьетнамкам. Наиболее показательный пример – история принцессы Ан Ты, младшей дочери императора Чан Тхай Тонга (годы правления 1226 – 1258). В 1285 г. во Вьетнам во второй раз вторглась монгольская армия. Император и его отец император-наставник, спасаясь от подступивших к столице монгольских войск, хотели выиграть время, чтобы иметь возможность организовать отступление и перегруппировку сил. Для этого император-наставник Чан Тхань Тонг отправил свою младшую сестру Ан Ты, славящуюся своей красотой, в качестве дара монголам для заключения перемирия. Дальнейшая судьба принцессы доподлинно неизвестна. На основе одной записи в летописи «Краткая история Аннама» историка XV в. Ле Така ряд исследователей делает предположение, что она стала одной из жен монгольского принца и родила ему двух детей. Имя Ан Ты не встало в один ряд с выдающимися вьетнамскими женщинами-борцами за независимость, тем не менее она осталась в народной памяти как пример подвига и самопожертвования женщин во время войны сопротивления китайско-монгольским захватчикам. Спустя несколько веков, в 1943 г., писатель Нгуен Хюи Тьонг посвятил ей исторический роман, в котором описал романтическую историю любви героини и вьетнамского военачальника, и ее подвиг самопожертвования при выходе замуж за чужеземца. Важно, что выход за чужеземца рассматривается именно как «акт самопожертвования».

К эпохе правления династии Чан относится и легенда, зафиксированная в сборнике «Записи удивительного земли Линьнам» – легенда о Ха О Лое. На фоне остальных произведений данного сборника она выделяется довольно фривольным, избыточным эротическими моментами, содержанием и по мнению ряда вьетнамских исследователей несет в себе черты романа, что тогдашней вьетнамской литературе не было свойственно. Легенда повествует о ребенке, родившемся в результате любовной связи земной женщины и духа. Отличительной чертой ребенка был темный практически черный цвет его кожи. Впоследствии благодаря волшебству одного монаха он приоб-

рел талант к пению из-за чего стал пользоваться большой популярностью у женщин. Впоследствии его к себе приблизил и император Чан, поручая ему время от времени различные деликатные задания. Та Ти Дай Чыонг, анализируя данную легенду, полагает, что «черной кожей была исключительно из-за этнических причин, а не потому что она так сильно загорела». Сам Ха О Лой в интерпретации историка становится ребенком, отцом которого является не дух, а представитель какой-либо невьетнамской народности, обладавшей значительно более смуглым типом кожи. Учитывая контакты в ту эпоху с мореплавателями островной Юго-Восточной Азии историку такое объяснение кажется наиболее очевидным. Также в качестве подтверждения своей теории он выдвигает мысль о более сильном сексуальном темпераменте, свойственным южным народам, из-за которого Ха О Лоя так ценили женщины¹⁶. В качестве такого невьетнамского народа могли выступать как чамы (во Вьетнаме в то время была деревня с потомками чамских военнопленных), так и кто-либо из островных народов.

С теми же островными или заморскими народами часть вьетнамских историков связывает народное наименование сифилиса, звучавшее как «*tiêm la*», что этимологически якобы восходит к традиционному названию Таиланда (Сиама) во вьетнамском языке – *Xiêm La*¹⁷. Так в сознании вьетнамцев иностранцы сыграли очередную негативную роль – на сей раз в распространении опасного заболевания.

В отличие от Европы династические браки во внешнеполитической культуре Вьетнама были редки, однако они все же имели место и, более того, сыграли важную роль в продвижении вьетнамцев в южном направлении – упомянутом выше «Движении на Юг». Самый известный пример – история чанской принцессы Хюйен Чан (*Huyền Trân*; ок. 1287–1340), дочери императора Чан Нян Тонга и младшей сестры императора Чан Ань Тонга. После окончания войн с монголо-китайскими войсками отношения между Дайвьетом и Чампой были на редкость дружественными, что позволило в 1306 г. заключить брачный союз – император Чан Нян Тонг выдал свою дочь замуж за чамского правителя Джайя Симхавармана III (годы правления: 1288–1307). В качестве свадебного выкупа

Чампа отдавала две области – О (в южной части совр. пров. Куангчи) и Ри (на территории провинции Тхыатхиен-Хюэ). После последовавшей вскоре смерти южного монарха, вьетнамскую принцессу, по утверждению вьетнамской историографии, ожидало ритуальное сожжение на костре. Чтобы этого не допустить, на Юг был послан полководец, который выкрал невесту. Приобретенные же земли вьетнамцы вернуть отказались. Так границы страны вышли к той территории, где впоследствии будет расположена последняя императорская столица в истории Вьетнама – Хюэ.

В период разделения Дайвьета в XVII в. на два по сути независимых княжества династийные браки в своей внешней политике активно использовал второй по счету правитель Дангчонга Нгуен Фук Нгуен (1563–1635). В условиях противостояния с родом Чинь, правившим на Севере и желавшим «вернуть себе» земли Центрального Вьетнама, он, тем не менее, прилагал усилия и по укреплению позиций в южном направлении, для чего старался поддерживать дружеские отношения с правителями Камбоджи и Чампы. Первый из них в свою очередь нуждался в военной помощи из-за угрозы со стороны Сиама. В 1620 г. за кхмерского правителя Чей Четту II была выдана замуж вторая по старшинству принцесса Нгок Ван (Ngoc Van; ок. 1605–1658). Вместе с принцессой ко двору отправились и несколько десятков других вьетнамцев, начав играть существенную роль во внутривластической жизни Камбоджи. В 1623 г. при ее содействии правители договорились о создании поста по сбору налогов на территории Прейнокора (будущего Сайгона) и совр. пров. Бариа. Третья дочь Нгуен Фук Нгуена – принцесса Нгок Кхоа – была выдана за чамского правителя. Для укрепления торговых отношений с японскими купцами этот вьетнамский правитель и здесь прибегнул к брачному союзу – на сей раз своей приемной дочери Нгок Хоа с японским купцом, возглавлявшим японские торговые представительства в Хойане. По преданию, вскоре после свадьбы она вместе с мужем уехала в Японию, где прожила более четверти века. В 2004 г. в ее честь была названа одна из улиц старого квартала Хойана.

С приходом к власти династии Ле в начале XV в. на передний план была выведена конфуцианская идеология с собственным ей особым вниманием к семье, выступавшей в роли «государства в миниатюре». В этих условиях особое развитие получило государственное регламентирование семейно-брачных отношений, а в обществе все большее распространение получила конфуцианская трактовка семейных принципов – что отнюдь не во всем соответствовало социальной практике предыдущих столетий – и потому требовало особенно тщательной пропаганды.

Однако тема браков с иностранцами и/или другими народностями практически не получила развития в государственной семейном регламентировании. Так, в 1499 г. императором Ле Хиен Тонгом были изданы 24 указа, строго регламентирующих семейные отношения и порицающих любые вольности в отношении полов (что очевидно было нередким во Вьетнаме в предшествующие столетия). Тема же межэтнических браков в них не поднималась в принципе¹⁸. Некоторую информацию удалось найти в сводах государственных законов – Кодексе Династии [Поздние] Ле конца XV в. (вьет. – *Quốc triều hình luật*) и Кодексе императора Зя Лонга начала XIX в. (вьет. – *Hoàng Việt luật lệ*).

Согласно найденной информации государство не то чтобы не поощряло браки с другими народностями на территории страны, а запрещало их. Так, Статья 334 Кодекса Ле (относящаяся к разделу наказаний за проступки в сфере семейно-брачных отношений) постановляет, что «если чиновники войдут в сговор с вождями [горных] племен в пограничных провинциях и женятся на ком-либо [из этих племен], то они подлежат наказанию в виде ссылки, а также должны развестись. Если же женились ранее, что судебное решение будет другим»¹⁹. Именно эта же статья и только она приводится в разделе, посвященном истории законодательства страны, фундаментального труда выдающего вьетнамского ученого-энциклопедиста XIX в. Фан Хюи Тю «Классифицированное описание установлений прошлых династий». То есть на законодательном уровне с конца XV в. и до начала XIX в. дополнительной регламентации подобных браков сделано не было.

Законодательство XIX в. применительно к межэтническим бракам было нами изучено на материале масштабного издания династии Нгуен «Одобренный высочайшим повелением свод законов империи Дайнам», в которой были включены все постановления, связанные с деятельностью шести министерств. Здесь регламентация была несколько более детальной. В дополнительном постановлении к статье о «незаконном создании семьи» говорилось, «население удаленных провинций не имеет права создавать семьи с коренными жителями местных административных единиц (например, кхмеры и чамы на Юге, нунги и мань на Севере)»²⁰.

Обращает на себя внимание, что теперь указ распространялся не только на чиновников, но и на рядовое население, которое за данный проступок наказывалось 100 ударами толстыми батогами. Это стало следствием расширением границ Вьетнама в южном направлении, в результате которого ситуация с межэтническими отношениями несколько изменилась как за счет более пестрого национального состава новых территорий, так и их открытости миру благодаря наличию торговых городов. Особенно показательна ситуация в Южном Вьетнаме, куда вьетнамцы пришли лишь в конце XVII века и где еще в середине XIX столетия было множество невьетнамского населения – кхмеров, малайцев, зяраев и, с конца XVII в., китайцев. Ситуация с китайцами для нашей темы особенно важна. В результате падения империи Мин в противостоянии с маньчжурами десятки тысяч китайцев бежали от новых властей в разные страны южных морей. Так произошел крупнейший после времен «северной зависимости» поток китайских эмигрантов во Вьетнам, добавившихся к уже проживавшим в стране выходцам «Срединного государства», к которым впоследствии добавились и переселенцы XVIII–XIX вв. В результате чего этнических китайцев (вьетнамский собирательный термин người Hoa) во Вьетнаме стало намного больше, чем в средние века. Однако гомогенным это население не было и потому оперирование общим этническим термином хоа не позволяет увидеть реальные процессы, связанные с китайцами во Вьетнаме.

В связи с этим их стоит распределить на несколько категорий в соответствии с вьетнамской терминологией: 1. Minh

huong – китайцы, верные свергнутые династии Мин (преимущественно чиновники, военачальники и солдаты), которые бежали от династии Цин и получили в 1679 г. разрешение на проживание в южных областях Вьетнама; 2. Thanh nhân – подданные цинской империи, приехавшие во Вьетнам в XVIII веке²¹.

Первые, проживавшие в «сообществах подданных династии Мин» (вьет. – minh hương xã), считали себя подлинными носителями китайской культуры. При этом они были склонны к всестороннему общению с местным населением, охотно учили вьетнамский язык и постепенно интегрировались во вьетнамское общество. Разумеется этот процесс сопровождался смешанными браками. Как правило, в подобных семьях муж был китайцем, а женой – вьетнамкой; впрочем бывали и обратные случаи. Один из самых известных китайских эмигрантов первой волны Мак Кыу, основатель Хатиена, женился на вьетнамке. Родившийся у них сын Мак Тхиен Ты (1708–1780), продолживший управлять данной территорией и превративший ее в процветающую экономическую зону, принял вассалитет от правителей Нгуенов в Дангчонге.

Растущая популярность браков с китайцами подтверждается фразой одного из путешественников Срединного государства, побывавшего во Вьетнаме и заметившего, что «вьетнамские женщины любят выходить замуж за китайцев»²². Родившиеся у них дети этнически постепенно утрачивали свои корни, но сохраняли определенную идентичность. Среди подобных людей было довольно много известных в истории Вьетнама чиновников и ученых. Например, Чинь Хоай Дык (1765–1825) – автор одного из самых известных исторических работ по Южному Вьетнаму «Записи о Зядини» (вьет. – Gia Định thành thống chí). К 1921 г. число официально зарегистрированных во Вьетнаме *минь хьонг* составило 64.500 человек²³, т.е. выросло 20 раз по сравнению с 1679 г.

Представители второй группы китайцев, «подданных Цин», проживали в специально созданных для них более замкнутых административных единицах *банг* (вьет. – bang) и предпочитали сохранять дистанцированность от местного

населения, крайне редко берясь за изучение вьетнамского языка²⁴.

В любом случае вьетнамское законодательство XIX в. препятствовало тому явлению, которое стало обыденным во Вьетнаме XXI в. – отъезду вьетнамок за рубеж в чужие семьи. «Одобренный высочайшим повелением свод законов империи Дайнам» прописывает, что необходимым условием для женитьбы во Вьетнаме для подданных династии Цин (как мужчин, так и женщин) является регистрация их в таковом качестве во Вьетнаме в их административных единицах *бангах* и внесение в регистрационные книги. Если же они прибывали во Вьетнам не на постоянное место жительства, а для торговых или иных целей, не были занесены в регистрационные списки, то создавать семьи им было запрещено. В случае нарушения запрета что мужчины что женщины подвергались наказанию в 100 ударов толстыми батогами, принуждением к разводу и возвратом свадебных даров в пользование общиной. Наказанию подвергались также староста банга, соседи и местные чиновники в зависимости от их степени вмешательства в данный брак. Если же китаец женился по всем правилам, но впоследствии тайком увозил жену в Китай, то наказанию подвергались те же категории лиц²⁵.

Многое в развитии межэтнических связей зависело и от политической линии конкретного правителя. Император Зя Лонг (годы правления 1802–1820), основатель последней в истории Вьетнама династии Нгуенов, придерживался точки зрения, что вьетнамцам не стоит ассимилировать местное население, смешиваться с ним и вообще стоит предоставить им возможности обособленного проживания. Это в свою очередь позволило ему заручиться поддержкой со стороны кхмеров и чамов (в дела которых тот не вмешивался и те имели подобие автономии) в период гражданской войны против тэйшонов, по итогам которой он и смог основать новую династию. Данная политика нашла отражение в изданном в 1811 г. законе, который можно примерно перевести как «Вьетнамцы и варвары должны иметь границы» (вьет. – *hán đì hữu hạn*). Спустя 4 года император обнародовал список из 14 государств, считавшихся вассальными по отношению к Вьетнаму, но во внутреннюю

жизнь которых вмешиваться не стоит. В их список попали как объективно не имеющие к Вьетнаму государства (Бирма, Лаос), так и заселенные местными народностями автономные территории в пределах современных границ Вьетнама: например, две автономные области народности зярай – Государства Воды и Огня (Thủy Xá – Hỏa Xá).

Другая линия была у его преемника Минь Манга (годы правления 1820–1840), который повел четкий курс на ассимиляцию различных народностей, проживающих в Южном и Центральном Вьетнаме. Для этого, в частности, проводилась практика размещения вьетнамских деревень рядом с местными поселениями в рамках одной административной единицы, зачастую включение вьетнамцев и других национальностей в одну деревню. В конце своего правления Минь Манг даже издал указ, ликвидировавший *банги* как обособленные единицы проживания для китайцев. В качестве эксперимента данное решение было претворено в жизнь на территории захваченной на тот момент вьетнамцами Камбоджи. Никто из китайцев категории *тхань нян* не имел права переселяться в эти земли. Для этого им было необходимо жениться на вьетнамках, чтобы постепенно их потомки стали органичной частью вьетнамского общества. Другая политика сводилась к тому, чтобы постепенно превратить категорию *тхань нян* в более склонных к интеграции *минь хьонг*. Китаец, в XIX в. приехавший во Вьетнам мог зарегистрироваться как *тхань нян*. Однако его детям (если они родились уже после приезда) было запрещено отращивать косу, а по достижении 18-летнего возраста они в обязательном порядке должны были зарегистрироваться в общине *минь хьонг*²⁶.

В результате ассимиляционной политики Минь Манга число смешанных браков значительно возросло. Корейский исследователь Чой Бьенг Вук приводит данные семейной хроники рода Чьонг в Южном Вьетнаме. На протяжении 7 поколений в этой семье было 9 случаев «брака с иностранным фактором»: 4 раза на «варварах» (т.е. местных малых народов – кхмеры, зярай), 3 раза на китайцах *минь хьонг* и 2 раза на китайцах *тхань нян*²⁷. Количество браков с последней категорией возросло в конец периода Минь Манга, когда, как было сказано, выше он решил ликвидировать самостоятельность *бангов* и

китайцам, желающим проживать во Вьетнаме, было необходимо жениться на местной женщине. Такие браки были уже своего рода бизнес-решением для последних.

А спустя меньше двух десятилетий после смерти императора Минь Манга началось французское завоевание страны, вступившей после этого в принципиально новый период исторического развития.

На наш взгляд лучше всего завершить сюжет «о браках с иностранным фактором» применительно к доколониальной эпохе и одновременно проложить мост к последующему колониальному периоду стоит, обратившись к фигуре верховного правителя, чью семейную жизнь можно считать квинтэссенцией межэтнических брачных отношений. Речь идет об императоре Ле Тхан Тонге (1607–1662; годы правления 1619–1643; 1649–1662).

Для истории Вьетнама данный монарх уникален в силу сразу трех обстоятельств. Первое – он стал единственным монархом, кто дважды восходил на престол именно в качестве императора *хоанг де* (а не «императора-наставника»/«верховного императора» – как это часто было при династии Чан). Пусть в то время власть династии Ле стала чисто номинальной, а реальные полномочия оказались в руках рода Чинь, закрепившего с начала XVII в. за собой наследственный статус правителей-*тюа*.

Второе – сразу четыре его сына²⁸ стали императорами, что также является рекордом вьетнамской монархии.

И, наконец, последнее обстоятельство представляет особый интерес именно в контексте нашего исследования – этническое разнообразие его гарема. Его главной женой (вьет. – *chính phi*) по настоянию *тюа* Чинь Чанга стала дочь последнего по имени Чинь Тхи Нгок Чук²⁹, которая была на 13 лет старше императора и для которой этот брак даже не был первым. Но помимо ее в императорском гареме было много младших жен и наложниц, среди которых оказалось несколько представительниц не только малых народностей Вьетнама, но и иностранных государств. Причем, судя по приводимым во вьетнамской историографии данным, «иностранки» занимали высокое место в гаремной иерархии, уступая лишь главной жене.

Среди его младших жен была представительница народности мыонг (наиболее близкий к вьетам этнос во Вьетнаме), а также уроженки четырех иностранных государств – Сиама, Китая, Лаоса и Голландии. Наибольшего внимания исследователей, безусловно, привлекла именно последняя, хотя доподлинно установить даже ее имя все же невозможно. По одной из наиболее распространенных во Вьетнаме версий ее звали Орона (также встречается имя Урсра – Oursra, т.е. более привычное нам Урсула; от слова «медведь») и она была дочерью вице-губернатора Голландской Формозы – колониального владения Голландской ост-индской компании на острове Тайвань в 1624–1662 гг. Есть данные, что голландкой она была лишь наполовину по отцу, матерью же ее была корейка³⁰. В 1630 г. она вместе с отцом прибыла на территорию Дайвьета и была принята императором. Приглянувшись Ле Тхан Тонгу, она по совету своего отца согласилась стать одной из жен вьетнамского монарха. Подобные браки в целом продолжили начатую еще в X веке Динь Бо Линем (утвердившим сразу 5 императриц из числа наиболее влиятельных родов) и продолженную затем династией Ли политику на укрепление политических союзов путем брачных отношений.

Брачные союзы Ле Тхан Тонга стали отражением новой эпохи – когда страна была в значительно большей степени вовлечена в международные отношения с большим количеством иностранных государств. Кроме того, необходимо учитывать и внутривнутриполитическую ситуацию во Вьетнаме, характеризовавшуюся соперничеством между двумя ставшими фактически отдельными частями страны – Дангнгоае на Севере (откуда при поддержке рода Чинь и правили императоры Ле) и Дангчонгом на Юге, руководимым родом Нгуен. Время правления Ле Тхан Тонга как раз пришлось на период наиболее ожесточенных войн между этими двумя княжествами. Привлечение на свою сторону иностранных торговцев, а также закупка оружия и боевых кораблей могло сыграть важную роль в улучшении экономического положения Севера и в наращивании его военной мощи в условиях войны с Нгуенами. Налаживание отношений с местным верховным руководством, установление торговых отношений было выгодно и голландцам, особенно на фоне раз-

вернувшегося у них в этом регионе соперничества с португальцами.

Французский миссионер и историк А. Лонне в своей изданной в конце XIX в. книге «Древняя и новая история Аннама, Тонкина и Кохинхины» приводит переписку между голландскими предпринимателями, имевшим интересы во Вьетнаме, в т.ч. рекомендации, данные Шарлю Хартсинку (Charles Hartsink), прибывшему в страну в 1637 г. для основания фактории. В частности, ему было рекомендовано «установить связь с Урсулой, наложницей короля, рожденной в Корее, через которую следует передать подарки для наиболее любимых жен монарха»³¹. Так женщины стали одним из важных каналов влияния европейцев на вьетнамских монархов и средством укрепления европейского присутствия в Дайвьете. Тем более, что некоторые из высокопоставленных вьетнамских женщин приняли католичество – в частности, сестра упомянутого тюа Чинь Чанга (принцесса Катарина), тем самым также способствуя продвижению интересов европейцев. Впрочем, это уже сюжет для отдельного исследования. В том же 1637 г. в городе Фохиен (нынешний Хынгиен) голландская фактория была основана.

Императора Ле Тхан Тонга можно считать своего рода первооткрывателем нового типа межэтнических браков во Вьетнаме – с представителем европейской расы. С XVII в. число таких брачных союзов постепенно будет расти, оставаясь в то же время весьма незначительным к общей массе населения. Большая вариативность личных отношений с европейцами наступит уже в колониальную эпоху. Что именно они из себя представляли и какие социальные явления породили будет проанализировано в следующей части статьи.

Продолжение следует ...

¹ Взаимосвязи семьи и религии во Вьетнаме посвящена отдельная крупная работа известного французского ученого и миссионера Л. Кадьера «Семья и религия во Вьетнаме». См.: *Cadiere L. La famille et la religion en pays annamite // Bulletin des amis du vieux Hue. №4, 1930. P. 353–414.*

² Проблемы, связанные с определением этнического состава населения Северного Вьетнама в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э., в последние

годы получили дополнительное освещение в научных работах отечественных востоковедов: *Григорьева Н.В.* Ранняя этническая история вьетнамцев в истории вьетнамского языка: проблема этнонимов // *Вьетнамские исследования*. Вып. 2, М., ИДВ РАН, 2012. С. 198–227; *Леонов К.Ю.* Этнический состав населения Цзяо по данным внешних анналов Тоан Тхы // *Три четверти века*. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М., 2007.

³ *Григорьева Н.В.* Ук. соч. С. 217.

⁴ Там же. С. 217.

⁵ *Леонов К.Ю.* Ук. соч. С. 94.

⁶ Во вьетнамской историографии, уделявшей хронологической информации и ее интерпретации самое пристальное внимание, именно это событие вызывало самые противоречивые трактовки. Часть историографов считала династию Чиеу исконно вьетнамской (тем более что Чиеу Да стал первым правителем на территории Вьетнама, кто принял титул императора *хоанг де* и в своей политике дистанцировался от китайской империи Хань); другие же рассматривают победу Чиеу Да (этнического китайца) как начало «северной зависимости» от Китая. Подробнее о проблеме хронологии древнего Вьетнама см. *Леонов К.Ю., Никитин А.В., Федорин А.Л.* Вьетнамская хронология // *Три четверти века*. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М., 2007. С. 114–217.

⁷ Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 1. М., 2002. С. 121.

⁸ Там же. С. 133.

⁹ Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 1. М., 2002. С. 143.

¹⁰ *Леонов К.Ю.* Ук. соч. С. 94.

¹¹ *Леонов К.Ю.* Ук. соч. С. 110.

¹² Например, указ 1042 г. «Если кто-то ночью заберется в дом к человеку и будет прелюбодействовать с его женой и наложницами, а хозяин на месте убьет его, то хозяина нельзя судить за преступление». В 1128 г. издали указ, «запрещающий рабам и прислуге чиновников брать в жены девиц из семей свободных крестьян». Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 3. М., 2012. С. 152, 202.

¹³ *Tạ Chí Đại Trường.* Sex và triều đại // *Chuyện phiếm sử học*. NXB Tri thức, 2016. Tr. 14.

¹⁴ Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 3. М., 2012. С. 159.

¹⁵ Там же. С. 107.

¹⁶ *Tạ Chí Đại Trường.* Sex và triều đại // *Chuyện phiếm sử học*. NXB Tri thức, 2016. Tr. 33–35.

Lĩnh Nam Chích Quái //

<http://www.vietnamvanhien.net/LinhNamChichQuai.pdf>

¹⁷ *Tạ Chí Đại Trường.* Op. cit. Tr. 52.

¹⁸ Полный текст этих указов приводится в летописи «Отражение истории Вьета, основа и частности, составленное по повелению императора». *Khâm Định Việt Sử Thông Giám Cương Mục - Chính Biên - Quyển XXIV*. Tr. 575–576.

¹⁹ Quốc triều hình luật. Hà Nội, 1991. Tr. 126.

²⁰ Khâm định Đại Nam hội điển sự lệ. Tập 11. Huế, 1993. Tr. 317.

²¹ Названия этих групп соотносятся с наименованиями соответствующих империй Китая: Minh – Мин и Thanh – Цин.

²² *Choi Byung Wook*. Southern Vietnam Under the Reign of Minh Mạng (1820-1841). SEAP Publications, 2004. P. 150.

²³ *Goscha Ch*. Vietnam: A New History. Hachette UK, 2016. P. 350.

²⁴ Подробнее о китайских эмигрантах во Вьетнаме в период XVII-XVIII вв. см.: *Choi Byung Wook*. Southern Vietnam Under the Reign of Minh Mạng (1820-1841). SEAP Publications, 2004.

Информация об административной организации проживания китайцев содержится в работе: *Huỳnh Ngọc Đáng*. Về tổ chức bang, minh hương xã và thanh hoa phố của người Hoa ở Việt Nam // <http://www.sugia.vn/portfolio/detail/835/ve-to-chuc-bang-minh-huong-xa-va-thanh-ha-pho-cua-nguoi-hoa-o-viet-nam.html>

²⁵ Khâm định Đại Nam hội điển sự lệ. Tập 11. Huế, 1993. Tr. 318.

²⁶ *Choi Byung Wook*. *Op. cit.* P. 147.

²⁷ *Ibid.* P. 150.

²⁸ Это императоры Ле Тян Тонг, Ле Хюен Тонг, Ле Зя Тонг и Ле Хи Тонг. Последний из них правил 30 лет (1675–1705), что, в свою очередь, является одним из наиболее длительных сроков нахождения на престоле для вьетнамских императоров.

²⁹ Учитывая, что по отцовской линии она была представительницей рода Чинь, а по материнской – рода Нгуен (приходившись внучкой Нгуен Хоангу), то этим браком Чинь Чанг соединял вместе все три главные семьи тогдашнего Дайвьета – императорский род Ле, правящий на Севере род Чинь и управлявший южными землями род Нгуен.

³⁰ *Launay A*. Histoire ancienne et moderne de l'Annam, Tong-King et Cochinchine. P., 1884. Сведения о наполовину корейском происхождении этой женщины приводит и видный французский ученый-ориенталист Г. Дюмутье. Вслед за ними эта информация воспроизводится и во вьетнамских работах – см., к примеру: Lê Thái Dũng. *Chuyện kể chốn hậu cung*. NXB Hồng Đức, 2016. Tr. 165.

³¹ *Launay A*. Histoire ancienne et moderne de l'Annam, Tong-King et Cochinchine. P., 1884. P. 157 (полный pdf-текст издания доступен в электронной библиотеке Галлика: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6208268f>).